

Он еще и алчный?

Лань Муцзинь с некоторым недоумением смотрел на человека, который уставился на него в ответ. Ань Цзю — и вдруг жадный до денег?

Сяо Чжэн, все это время бережно поддерживавший спасенную из лап смерти птицу, так и не дождался ответа. Пот на его висках давно высох от легкого ветерка, а лицо, отвыкшее от солнечного света, казалось неестественно бледным и гладким. Он широко раскрыл глаза и еще немного подался вперед.

— Твоя птица!

Лань Муцзинь слегка опустил веки, и его взгляд заметно помрачнел. Сяо Чжэн, столкнувшись с этим опасным выражением лица, вспомнил слова Четвертого принца о том, что он якобы убил собственного теневого стража, и поспешно поправился:

— Птица, которую ты хотел спасти.

Опасная аура, исходившая от принца, тут же скрылась за опущенными ресницами, когда тот перевел взгляд на птицу в руках Сяо Чжэна. Та все еще была полуживой, но ее тельце слегка подрагивало — похоже, ее действительно удалось выходить.

Лань Муцзинь не стал забирать ее, а вместо этого внезапно спросил:

— Разве ты не жаждешь убить меня?

Сяо Чжэн слегка нахмурился и отвел руки назад. Лань Муцзинь увидел на его лице выражение, которое ясно читалось как: сам же знаешь, зачем спрашиваешь?

— Не могу убить. Я слишком труслив.

Искренность и прямота этого признания обезоруживали. На самом деле, Сяо Чжэн впервые стоял лицом к лицу с Пятым принцем — раньше Ань Цзю всегда держал голову опущенной. В его памяти отпечатались лишь полы роскошных одежд да носки расшитых шелком туфель. А в ту ночь было так темно, что он, проклиная предков своего господина, толком ничего и не разглядел.

В династии Ян было шестеро принцев, и все они отличались статной фигурой и приятной внешностью. Но в народе ходили слухи, что Пятый принц, Лань Муцзинь, выделялся среди прочих особенно сильно. Впрочем, куда известнее его красоты была его репутация человека, на которого невозможно повлиять: ни уговорами, ни угрозами, холодного и совершенно безжалостного.

Наследный принц был падок на женскую красоту.

Второй принц отличался склочным характером.

Третий принц увлекался лишь поэзией и каллиграфией.

Четвертый принц слыл забиякой и драчуном.

Шестому было всего пятнадцать, он еще не участвовал в придворных делах.

И только Пятый принц, казалось, не имел никаких пристрастий: ни красавиц-наложниц, ни явных союзников среди придворных. Он жил так, как ему вздумается, совершая поступки, которые всегда заставляли окружающих врасплох. На службе он был беспристрастен, а в личных отношениях — холоден и непреклонен.

Сейчас перед Сяо Чжэном было лицо с четкими контурами, высоким переносицей и тонкими губами. Его глаза, черные, как тушь, придавали ему вид настоящего небожителя. Но в глубине этих зрачков, казалось, была врожденная ледяная стужа, а сама суть этого человека излучала равнодушие.

Сяо Чжэн про себя ворчал: он даже собственного стража убил, не моргнув глазом, кто знает, не решит ли он через минуту прикончить и меня? Он долго взвешивал все за и против, пытаясь убедить себя: он был отравлен, его опоили, он не хотел этого, все вышло случайно. Иначе при его-то высоком положении и знатности, сколько красавиц мечтало бы оказаться в его постели? Все это — вынужденные обстоятельства!

— Ты ведь говорил... наградишь меня по возвращении? Это еще в силе?

Хоть упоминать об этом постыдном деле было не слишком достойно, Сяо Чжэн считал, что в жизни можно стерпеть все, кроме потерь. Долго мучаясь выбором между золотом и жизнью, он в итоге заставил себя выбрать второе.

— Может, так: я не убиваю тебя, ты не убиваешь меня, и забудем, будто ничего не было.

Лань Муцзинь: ...?

Лань Муцзинь от возмущения даже усмехнулся. Он считал, что повидал на своем веку немало людей. Корыстолюбивых, эгоистичных, жадных, подлых и жестоких. У него всегда находились способы заставить их молить о смерти. Но сегодня его собственный теневой страж, который служил ему два года, заставил его взглянуть на мир по-новому.

Он никак не мог понять, как в одном человеке сочетаются такая расчетливость, глупость и слепая самоуверенность.

...Это было до крайности занятно.

Его смех был непредсказуемым, и в голове Сяо Чжэна забили тревожные колокола: неужели этот псих решил убрать свидетеля? Но Лань Муцзинь лишь посмеялся про себя и с интересом выдал ответ, от которого Сяо Чжэну хотелось ругаться матом.

Он сказал:

— Я подумаю.

Лань Муцзинь снова увидел на лице своего стража желание придушить его. Тот поджал губы и вытаращил глаза, словно с трудом проглотил какую-то гадость.

— Что ты хочешь сказать?

— ...

— Говори, я не накажу.

— Кто не держит слова — тот пес.

Уходя, Сяо Чжэн столкнулся с Ань Ци, который дежурил у входа во двор.

— Почему ты вышел? Не охраняешь господина?

Сяо Чжэн уже надел маску, но не стал закрывать лицо черной повязкой. Он едва заметно улыбнулся Ань Ци.

— Он велел мне убираться.

У Ань Ци екнуло сердце. Неужели Ань Цзю снова разозлил господина? Но тот стоял перед ним целый и невредимый, без единой царапины, и он немного успокоился.

— Тогда иди отдохни, я постою на страже. А в полночь, когда господин уснет, придешь на смену.

Ему показалось, что Ань Цзю сегодня ведет себя как-то глуповато, поэтому лучше пусть придет, когда господин будет спать, чтобы не навлечь на себя беду.

Сяо Чжэн ничего не ответил. Вернувшись в общежитие стражей, он еще раз обыскал каждый угол. Золота так и не нашел. Жили стражи небогато: ни занавесок, ни половов, даже кровати — узкие жесткие доски. Спать на них было мучительно больно, но Ань Шии твердил, что стражам нельзя привыкать к комфорту, чтобы не расслабляться.

В голове Сяо Чжэна всплыло лишь два слова: чушь собачья.

Прошло полдня. Солнце палило нещадно, свет, пробивавшийся сквозь оконную раму, слепил глаза. Сяо Чжэн никак не мог уснуть, особенно в летнюю духоту. Лишь когда начало смеркаться, его наконец сморило.

Когда он проснулся, была уже глубокая ночь. Выглянув в окно, он увидел луну — близилась полночь. Ань Ци ждал его, и Сяо Чжэн, все еще сонный, поплелся к покоям Пятого принца.

Ань Ци дежурил с самого рассвета и ни разу не прилег, но, когда Сяо Чжэн встретил его, тот был бодр, а взгляд в темноте — ясен и остер.

Сяо Чжэн подумал: ...образец для подражания.

Видя, что Ань Цзю выглядит не слишком сообразительным, Ань Ци забеспокоился.

— Не натвори дел. Господин уже отдыхает, тебе нужно просто стоять на страже и не шуметь.

На самом деле, в резиденции принца охрана была строжайшей, кроме теневых стражей, везде стояли обычные караулы, так что проблем почти не возникало. Но у Ань Ци было нехорошее предчувствие — словно Ань Цзю сам по себе был источником неприятностей.

— Я понял, уходи уже.

Когда фигура Ань Ци растворилась в ночи, Сяо Чжэн закрыл глаза, чтобы немного прийти в себя, и огляделся. Его взгляд остановился на резной деревянной балке под крышей галереи.

Лань Муцзинь лег спать лишь около одиннадцати вечера. На недавнем пиру во дворце его пытались отравить благовониями Колдовского Облака, привезенными из вассального государства. Очевидно, кто-то из принцев вступил в сговор с чужеземцами.

Членов императорской семьи было много, борьба за власть не прекращалась, и в ход шли любые грязные методы. Но допустить, чтобы иноземцы вмешивались в дела династии, было нельзя. Раз кто-то решился на предательство, его нужно было найти.

Теневые стражи, рассредоточенные по резиденциям других принцев, прислали донесения до наступления ночи, но, как и ожидал Лань Муцзинь, ничего важного они не узнали. Лань Муцзинь владел боевыми искусствами в совершенстве, и даже его собственные стражи не были уверены, что смогут одолеть его в бою.

Поэтому, даже отдыхая, он чувствовал все, что происходит вокруг покоев, включая приход Ань Цзю на смену Ань Ци. Затем послышался шорох, когда тот занял позицию, и во дворе снова воцарилась тишина.

Однако, не успел он расслабиться и на полчаса, как за дверью его тихих покоев внезапно раздалось странное, неуместное дыхание.

<http://bllate.org/book/24758/2924913>